

смысль нравственной жизни: не говоря уже о восточныхъ религіяхъ, въ Европѣ Аристотель, съ его ученіемъ о вѣчности „дѣятельнаго разума“, стоицизмъ, средневѣковье, примыкавшее къ Аристотелю, особенно Аверроесъ, наконецъ пантеистическія системы новаго времени,—всѣ защищали ту же религіозно-философскую концепцію, что и Толстой. Но никто изъ защитниковъ пантеизма не выдавалъ его за ученіе Христа, Толстой же—и это замѣчательно и, если хотите, трогательно въ немъ—не могъ отойти отъ Христа, хотя на самомъ дѣлѣ вѣрилъ совсѣмъ не въ то, о чемъ училъ Христосъ.

Конечно, кое-гдѣ можно найти намеки на то, что Толстой, уже ставши на почву агностицизма, въ своихъ колебаніяхъ доходилъ до признанія индивидуальнаго безсмертія,—но чего никогда не могъ онъ понять, даже мистически—это воскресенія плоти. Для Толстого проповѣдь о воскресеніи Спасителя осталась, какъ для эллиновъ, безуміемъ... Со своимъ крайнимъ спиритуализмомъ Толстой не могъ понять метафизическаго смысла факта Воскресенія Христа, не могъ онъ оцѣнить всю глубину и цѣнность того, что даетъ этотъ фактъ для размышляющаго сознанія. Предпосылки, изъ которыхъ исходилъ Толстой, сдѣлали съ нимъ то же въ вопросѣ о воскресеніи плоти, что дѣлаетъ зачастую современная наука вообще съ религіозными проблемами. Какъ многіе ученые съ упорствомъ слѣпыхъ и глухихъ не видятъ и не слышатъ ничего, кромѣ того, что позволяютъ имъ видѣть и слышать ихъ мнимо безусловные принципы, такъ и Толстой, односторонне спиритуалистически понимавшій духовную жизнь человѣка, доходилъ до недопустимыхъ натяжекъ, лишь бы, оставаясь съ Евангеліемъ, отвергать воскресеніе.

Вспомнимъ ученіе Толстого о вѣчной жизни, раскрывающейся въ разумномъ сознаніи. Мы видѣли, что всецѣло отрывая ее отъ потока душевной жизни личности, Толстой вовсе не рѣшаетъ своей нравственной проблемы—связать конечное съ безконечнымъ, такъ какъ безсмертіе принадлежитъ у него не тому, что тоскуетъ и жаждетъ его, не конечному, не ограниченному, не личности, а тому, что *безсмертно по самой своей природѣ*, какъ внѣвременное бытіе, что безлично, универсально, тождественно во всѣхъ людяхъ. Безсмертіе поэтому и не можетъ быть задачей человѣческой дѣятельности, такъ какъ то, что жаждетъ безсмертія (личность), его